

УДК 821.111(73):82-1 Б. Эндрюс, М. Палмер

**СУБЪЕКТ ПОЭЗИИ АМЕРИКАНСКОГО
ПОСТАВАНГАРДА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ
Б. ЭНДРЮСА «MISTAKEN IDENTITY»
И М. ПАЛМЕРА «СЕРИЯ
БОДЛЕР»)**

Е. А. Самигулина,
*аспирант третьего года обучения
кафедры белорусской и зарубежной
литературы БГПУ*

Поступила в редакцию 10.10.18.

В статье анализируются особенности поставангардной субъектности на материале поэтических циклов двух американских авторов – Брюса Эндрюса и Майкла Палмера. В их текстах совершается переход от авангардистского Сверх-Я (закрытого и абсолютно подчиненного авторской воле) к лирическому Оно, открытому и нестабильному. Рассматриваются приемы создания образа «номадического человека» и предлагаются пути его осмысления в художественном и в политическом векторах. По мнению автора, конечной целью внедрения в текст лирического героя подобного типа являлось (со-творческое) производство новой, «коллективной» субъектности, путь к которой лежит через насилие над исторически сложившимися формами идентификации и преодоление границ между Я и Другим.

Ключевые слова: поставангард, диалогизм, Другой, полифония, субъектность, неосинкретический субъект, коллективность, номад, эстетизм, реконфигурация, насилие

The features of post-avant-garde subjectivity are analyzed in the article on material of poetic cycles of two American authors – Bruce Andrews and Michael Palmer. In their texts there was a move from avant-garde Super-I (closed and absolutely subordinated to the author's will) to a "Lyrical It", opened and unstable. The article considers methods of creating the image of a "nomad's person" and proposes ways of its comprehension in artistic and political vectors. According to the author, the ultimate goal of an implantation of a such type of lyric hero into text was (co-creating) production of new, "collective" subjectivity, and the path to it lay through a violence over historically-rooted forms of identification and through overcoming the borders between I and the Other.

Keywords: post-avant-garde, dialogism, the Other, polyphony, subjectivity, neo-syncretic subject, collectivity, nomad, aesthesis, reconfiguration, violence.

«Прислушайся к речам, произносимым моим ртом, я мог бы сказать, что кто-то другой говорит моим ртом...».

Л. Витгенштейн

Введение. Философия второй половины XX века определяла субъекта как «продукт соответствующего типа речевой и дискурсивной деятельности» [1], полностью зависимого «от принципов построения языка, <...> от норм, свойственных данному типу культуры, от десубъективирующей роли идеалов потребления» [1]. Кроме того, субъекту отказывалось в способности «быть активным преобразователем мира» [1]. Безусловно, подобная пессимистическая оценка (кардинально отлича-

UDC 821.111(73):82-1 b. Andrews, M. Palmer

**SUBJECT OF POETRY OF AMERICAN
POST-AVANT-GARDE (ON THE
MATERIAL OF POETIC CYCLES BY
B. ANDREWS "MISTAKEN IDENTITY"
AND M. PALMER "SERIES OF
BODLER")**

Ye. Samigulina,
*Postgraduate Student of the Department
of the Belarusian and Foreign
Literature, BSPU*

Received on 10.10.18.

ющаяся от уже усвоенной авангардистской Я-модели¹) не могла не спровоцировать художественную мысль на поиск путей преодоления сложившейся ситуации и переосмысления наличных свойств субъекта (обусловленности, дискретности, полифоничности, неисключительности и др.) как *положительных и потенциально трансгрессивных*. Среди течений, в поэтике которых

¹ «Я» поэта в поэзии радикального авангарда наделено абсолютной свободой в отношении «преобразования» мира и языка, оно целостно и «монументально».

отразились философские поиски времени, американский поставангард 1970–1990-х годов, предлагающий альтернативные (по отношению как к классической, так и к авангардной традиции) формы субъектности, занимает важное место.

В гиперболизации поэтического «Я», что было свойственно эстетике авангарда, в подчеркивании его крайней «инаковости» и построении диалога с читателем по субъект-объектной схеме, когда последний из равноправного участника «становится объектом для преобразований» [2], поставангард увидел модель, эксплицирующую и закрепляющую существующие в обществе отношения господства / подчиненности, разделение эстетического на «сакральную» и «профанную» зоны. Обращение к мозаичному субъекту постмодерна куда больше соответствовало задачам новой поэтической школы. Осознав «Я» как точку пересечения множества сознаний, поставангард применил к нему не только художественную, но и политическую оптику: отсутствие конвенционального «лирического героя», возможность предоставления речи Другому позволяли отразить объективную (в некотором условном приближении) – ризоматичную, гетерогенную – картину мира, а также предложить читателю иные модели построения субъектности, реконфигурировать его чувственный опыт и логику мысли. Майкл Палмер [3] и Брюс Эндрюс [4] предлагают разные пути этой «реконфигурации».

Основная часть. Социальная направленность и политическая заряженность поэзии Брюса Эндрюса определяют как проблемно-тематическое поле его текстов, так и концепцию текста как такового. Последний понимается не как «площадка для создания “аутентичного” голоса и личности» [5, перевод наш. – Е. С.], но как место «активного сотрудничества между читателем и писателем» [5, перевод наш. – Е. С.], причем к «диалогу» приглашается и массовая аудитория. Ориентация на эгалитарность высвечивается из характера репрезентируемых «голосов» – вплетение «низовой» лексики, построение речи в виде газетных заголовков, использование «бедного» (бытового по сути) синтаксиса апеллируют к «обыденному» сознанию, которое получает шанс прозвучать уже не как не достойный (художественного) внимания «шум», но как оформленное поэтическое высказывание.

Подобную стратегию обращения с «чужим словом», которую можно вслед за Б. Гройсом назвать «новым универсализмом»¹ [6, с. 362], Б. Эндрюс демонстрирует в цикле стихотворений «Mistaken Identity» [7]. «From the brink of erasure, obscurity, and obliteration»² автор извлекает реплики закадровых безымянных персонажей – представителей среднего класса, «a human labor saving device»³. Критикуя насильственное клиширование «Я»⁴, осуществляемое со стороны корпораций, партий, массмедиа и т. д. как агентов капиталистического строя, поэт выстраивает речь подобно череде журналистских выкриков-заголовков («Bunny Potlatch – Slam Slam Happens», «Psy-fi or hi-fi?», «Sunblock Castro victims of corn»), назывных предложений («Barbiturate egoism, self-rot-rooting», «Pride, that pyramid scheme») и «готовых высказываний» («Who's paying, who's playing», «Hold fire – Sir? – said hold fire»), синтаксически не связанными между собой. *Афазия*, используемая как прием, символизирует – в противовес клишированности – *неоформленность* говорящего сознания, и, соответственно, – невозможность сведения его к некоей лингвистически выверенной формуле.

«Я», или, скорее, «Мы» данного цикла рисуется процессуальным, находящимся в постоянном становлении; тексты предстают перед читателем в виде внутреннего монолога «клипового» сознания, смонтированного из обрывков «чужой» речи. «Местом сборки субъекта является акт коммуникации; интерсубъективная соотнесенность с “они” выкраивает “Я” из анонимности существования и очерчивает его границы, тогда как следующим шагом оказывается утрата, которую он обречен непрестанно воспроизводить, существуя лишь в собственном исчезновении» [8]. Однако «Я», через чье сознание этот словопоток транслируется, не утрачивается полностью, периодически прорываясь сквозь десубъективированную речь с помощью местоименных и эмоциональных

¹ По Б. Гройсу, «свою задачу новый универсализм видит в достижении тотальной репрезентации множественных и гетерогенных точек зрения» <...> так, «чтобы ни одна из них не была исключена из универсального публичного пространства» [6, с. 362].

² Цит. по: http://writing.upenn.edu/epc/authors/howe/howe_dworkin_politics_of_noise.html#_edn26

³ Здесь и далее выдержки из стихотворений Б. Эндрюса цитируются по источнику [7].

⁴ В качестве субъектов, подвергшихся клишированию, Б. Эндрюс выбирает наиболее «растиражированные» образы: «Dauglo ethics, corporate global chucksteak», «White Collar Hairnet – Burnouts for Christ», «Scale model blonde – zoloff, paxil, luvox, celexa».

маркеров: «Identity: how many – me choking up», «Something's speaking beyond my brain». В попытке посмотреть на такую зыбкую, «квантовую» субъектность с позиции силы, «проекции» «Я» прибегают к иронии и сарказму (на грани приличия, порой пересекая ее («Dot-commie foreskin *arrivederci*», курсив авторский)), чем подчеркивают свою маргинальность¹ по отношению к магистральным моделям конструирования и репрезентации идентичности. Иерархическим структурам современности поэт противопоставляет гетерогенное сообщество субъектов, выступающих как множество одновременно звучащих инстанций, «говорящая ризома», не имеющая единого центра.

Этот цикл можно расценивать и как попытку раскрыть критический потенциал, кроющийся в «бездонной мусорной яме анонимного бессубъектного письма» [6, с. 251]. Переосмыслив прием потока сознания, Б. Эндрюс использовал неотшлифованные, синтаксически не связанные высказывания для визуализации социальной и языковой реальности как «места непрекращающегося оспаривания и противоречия» [9, перевод наш. – Е. С.]. Текст мимикрирует под стенографию «бунта на площади»²: «все» взволнованно говорят, перебивая и дополняя друг друга, и из этого рождается некая «истина». Критическое знание дано в тексте в процессе его производства из семиотического шума повседневности; автор не предоставляет читателю готовую и внятную идею, но изображает ее в виде суммы «речевых потоков», из пересечений, противоречий и взаимовлияний которых она состоит. Логике политической ангажированности авангарда (где за «Мы» в тексте просвечивает скорее гиперболизированное «Я» поэта) здесь противопоставлена логика солидарности на основании некоторой «общности» речи³, лингвистическая эмпатия анонимов.

¹ Собственно, эта маргинальность заявлена уже в самом названии, отсылающем к криминалистической экспертизе, и поддерживается на протяжении цикла оскорбительными выпадами в сторону полицейских как охранников режима («Nasty simulacra – you jerk, you forgot your pistol»).

² Подобный монтажный прием, характерный для поэзии второй половины XX века (например, поэтика концептуалистов), ярко демонстрирует эволюцию лирического героя к неосинкретическому типу.

³ Иными словами, поэт выступает не как «основатель дискурсивности» (фигура поэта-пророка в авангардистской эстетике), но лишь как ее носитель.

Иную стратегию репрезентации новой субъектности представляет Майкл Палмер. В «Серии Бодлер» [10] редукция «Я» к «точке столкновения социальных кодов» [9, перевод наш. – Е. С.] не столь агрессивна. Если в проанализированных выше текстах ассоциация с регистрацией «чужого слова» («мгновенным снимком» множества сознаний) достигается за счет минимизации процента Я-высказываний и использования особого прерывистого, «осколочного» синтаксиса, то М. Палмер прибегает к другому приему, делегируя значительную часть высказываний персонажам. Диалогизм в «Серии Бодлер» реализуется не концептуально (как у Б. Эндрюса), но сюжетно, описанием ситуации коммуникации («За столом мы говорим» [10, с. 41]), или посредством ввода адресата. В качестве последнего, помимо безымянного «ты», могут выступать незнакомые читателю люди («Дорогая Мерлин, Дрежайшая Лу, Я вижу на изгороди фазана / пока это пишу» [10, с. 37]) либо поэты-предшественники («высматривая из этого дома / Вас Пауль Целан, Сесар / Вальехо, Роберт К» [10, с. 41]), а кроме того – объекты окружающего мира и абстрактные категории («Дорогая Книга», «Дорогой Лексикон», «Глупое Озеро»⁴ [10, с. 41]). Негомогенность сознания говорящего субъекта аллегорически отражается через смену актантов, нераздельных и неслиянных: «Ты говоришь / Я держусь я держусь я действительно слепну // ... / Ты говоришь // Ничего не болит и не ноет / во мне в моем теле внутри» [10, с. 39–40].

Из 23 стихотворений цикла восемь открываются синтаксически близкими конструкциями (подлежащее + глагол с семантикой говорения), которые создают определенную иллюзию отстраненности лирического героя: он предстает перед читателем как скриптор, безоценочно фиксирующий чужие слова («Ты говоришь», «и Сафо говорит Алкею», «Мы назовем сегодня», «...поет ворон» [10, с. 37, 39, 43, 44]). Однако первое впечатление оказывается ложным, поскольку далее говорящие инстанции смешиваются, пере-

⁴ Наричательные существительные (как и местоимения) в «Серии Бодлер» часто пишутся с прописной буквы, из-за чего возникает некая «за-человеческая» эмпатия, деколонизальное чувство – подобно *new savage*, М. Палмер антропоморфизует неразумную материю; но при этом, даже подразумевая возможность коммуникации, в духе человека культуры эпитетом «глупое» характеризует именно природного адресата (Озеро).

текают одна в другую, «вовлекаются» друг в друга. Специфическое двойничество («Сегодня ночью у меня был посетитель // влез через мое окно / и вошел в меня» [10, с. 40]), разыгрываемое в фигуре автора, – характерная черта «Серии Бодлер».

Задавая вопрос, «возможны ли формы синергического взаимодействия с другими людьми» [11], основным качеством героя М. Палмер делает «пустотность», вскрывая его условность как элемента поэтического кода: «Нет любого на этом пути / лишь фигура хождений / фигура, спроецированная прямо сюда» [10, с. 40–41]. И если Стив МакКаффри¹ говорил о «производстве текста без стен»², то М. Палмер производит «личность без стен» – как пустая шахматная клетка, она открыта для любой фигуры. В данном контексте оперирование персонажами сообщает субъекту *трансгрессивные* свойства. На уровне собственно формальном это подтверждается постоянной сменой точек зрения, вместе с которыми сменяются и идентичности. Так, стихотворение от лица Офелии открывается фигурой отчуждения («она говорит»), персонаж выступает в роли объекта, потом по нарастающей дистанция между автором и персонажем сокращается. Антонимичные (двойничество, уже как «деление взгляда», диалектика «своего» и «чужого») осязательные и зрительные эпитеты («почва гладкая и неровная, сухая и мокрая» [10, с. 40–41]) выдвигают точку зрения персонажа в качестве основной; и, наконец, осуществляется слияние – «я не здесь где я иду, / сопровождаемая посыльным смущенным» [10].

Неразличению «автора» и «персонажа» в данном стихотворении (как и во всем цикле в целом) способствует отсутствие знаков препинания на границе высказываний – прием снятия кавычек в прямой речи («Она говорит, Ты обратен / Ты степени только, и летом крови теперь полный рот / и два нейлоновая нить» [10, с. 41]) и обратный ему – заключение в кавычки материала не-цитатного (или неточно цитатного) характера – «цветущих сорняков поля», «пыли полный лоб» [10, с. 37, 39]. Эти два приема вскрывают отношения «обратимости» речи,

постоянной включенности опыта Другого (в том числе «книжного» – «Стены слышны из стихов – стихов, которые ты, Сенатор, так отчаянно хочешь прочесть» [10, с. 42]) в конструирование / производство «Я».

Возведение здания новой личности происходит посредством процедуры снятия (в гегелевском понимании) личности прелестующей – эта де(кон)структивная логика близка авангардной, однако подразумевает не аннигиляцию, но накопление. Метафорами этой операции в «Серии Бодлер» выступают символы сожженных (перманентно сжигаемых?) дома и книги: «Секрет остается в книге / Это дворец / Это двойной дом // Это книга потерянная тобой / Это место откуда ты наблюдаешь / сожжение своего дома»; «страницы разложенные / перед тобой на солнце / как листья загибаться / как черные языки» [10, с. 39, 44].

В отличие от Б. Эндрюса, М. Палмер делает акцент на различных регистрах чувствования / эмоциональности, очищая «Я» от напластований классового. Герой М. Палмера погружен во внутреннее: «Когда-то я был хорошим мальчиком / но теперь я сплю часами подряд» [10, с. 37]. Активному социальному недовольству поэт противопоставляет скрупулезное погружение в себя: «Не смотри сквозь глаз / думая быть увиденным / Не принимай ничто за свое» [10, с. 41]. В некотором смысле его субъект куда более «революционен», чем субъект Б. Эндрюса, поскольку освобождается не только от декларируемой «одномерности», но и предлагает сущностно новый тип революции в принципе.

Субъект «Серии Бодлер», состоящий в отношении колониальности³ с языком власти, вынужден переопределять себя как бы из точки отсутствия, из состояния молчания / тишины – «новое политическое» вырастает не из области идеологии, но из опыта ощущений, которые М. Палмер пытается зарегистрировать с помощью своеобразного «множественного» взгляда, возникшего за счет эмпатического приращения Других к «Я». Неслучайно сплетение эротических и танатологических мотивов («Эрос воссевший на черепе как на троне» [10,

¹ Стив МакКаффри – канадский поэт (р. 1947), один из представителей «школы языка» в поэзии. Подробнее см. <https://www.poetryfoundation.org/poets/steve-mccaffery>.

² Цит. по: Транслит: литературно-критический альманах. – 2013. – № 13. – 140 с. – С. 34

³ «Деколониальный эстетизм» М. Палмера произрастает из необходимости «освободиться от часто неосознаваемого, но существующего уже несколько столетий жесткого и тотального контроля над ощущениями, на которые откликаются наши тела» [<http://moscowartmagazine.com/issue/6/article/48>].

с. 36]) и постоянное упоминание тела, зачастую – в его «деформациях», свидетельствующих о недостаточности «старых» поэтических практик телесности: «Я в порядке, я в порядке, я слепну взаправду», «глаза закатились обратно вовнутрь», «Давай учтем шею в ошейнике» [10, с. 37, 38, 40]. В конечном счете, несмотря на перенасыщенность ими текстов, не зрительные, осязательные, слуховые образы, апеллирующие к чувственному читателю, становятся центральными, но механизмы их трансформации, новые оптики чувствования в призме текстовой культуры и культуры Другого. Собственно же акт чтения представляется «ситуацией когнитивного действия» [12], в которой читатель как бы «зависает» в точке неопределенности – старый субъект больше не может существовать, но и новый еще не явился; и именно это извечное становление-через-снятие становится главной характеристикой палмеровского субъекта: «Я не помню как лично пытал заключенных // хотя имя появляется все-таки / внутри горячей головы тыквы – // это имя или то – // вокруг какого-то звука разбросанные часы / Затем чернилами его scriptor залит» [10, с. 42].

Выводы. В редуцированном до «индивидуума» субъекте, до скриптора / авторе поэты американского поставангарда Брюс Эндрюс и Майкл Палмер увидели проекцию к снятию оппозиции Я-Другой, лежащей в основе всех возможных конфликтов и отражающей отношения господства / подчиненности. Поскольку сознание – в рамках новой парадигмы – представлялось *центонным*, четко артикулированное авторское «Я» было переосмыслено как репрессивная инстанция, необоснованно заглушающая иные голоса, из взаимовлияний и взаимопересечений которых это «Я» скомпоновано. Лирический герой, прежде сводимый (для каждого конкретного автора) к сумме ограниченного числа идентичностей, видоизменился; текучесть и нефиксированность (в том числе за определенным местоимением, лицами глагола и том числе) нового субъекта стали восприниматься как *речевая* форма сопротивления властному дискурсу, стремящемуся оставить определенную модель поведения (и даже мышления) за

каждым отдельным человеком, сделав его своего рода «овеществленной функцией», исполнителем той или иной общественной роли. Динамизация прежде стабильного «Я» внутри поэтического текста позволила уйти от приросших социальных и культурных масок и, в игровой форме меняя «идентичности», исследовать различные способы бытийствования и говорения.

Отказ от притязаний поэта на роль «стража Истины» снизил пафос прежней эпифанической фигуры, что приглашало читателя к диалогу «на равных». Поднятие акта письма-чтения как субъект-субъектной формы отношения составило своеобразную платформу нового типа политической поэзии, не внедряющей в читательское сознание «образ врага», но приглашающей к акту сопротивления путем участия в вариативных (по отношению к институционально освященным) языковых играх² и посредством использования новых чувственных оптик.

Осознание текста как пространства диалога и взаимодействия (а не воздействия), а чтения – как *когнитивной практики* содержало в себе огромный гуманистический пафос, но, в то же время, – и «антигуманистический» призыв к почти ницшеанскому «преодолению» человека / субъекта и превращению его в номадическую единицу, свободно скользящую по разным идентичностям. Поэтический эксперимент должен был как раз послужить мостом к этой иной, *коллективной субъектности*³, – посредством внедрения новых интерпретативных стратегий изменив наполнение лингвистической универсалии «Я» и, соответственно, изменив мышление.

Таким образом, путь к осуществлению новой коллективной утопии лежал через *насилие*⁴ над исторически сложившейся субъектностью, в основе которой – одна «стержневая» идентичность и осознание четких границ между «Я» и «не-Я».

² В терминологии Л. Витгенштейна.

³ В мире, где нет дихотомии Я и Другого, конфликт (как категория, возникшая на почве этой дихотомии) невозможен (конечно, мы не отрицаем, что в этом утопическом мире конфликт может происходить на иных основаниях).

⁴ А. Скидан: «...И есть еще эсхатологическая мечта покончить с насилием. <...> Мир, в котором уже не будет насилия, не основать иначе, как при помощи другого – радикального и окончательного, кладущего предел всякому насилию – насилию» [8].

¹ По аналогии с политическими фигурами, возглавлявшими тоталитарные режимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, А. Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма [Электронный ресурс] / А. Н. Ильин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 1. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/. – Дата доступа: 12.05.2018.
2. Тырышкина, Е. В. Авангард и постмодернизм в русской литературе (заметки к теме) / Е. В. Тырышкина // Постмодернизм: pro et contra : Материалы междунар. науч. конф. «Постмодернизм и судьбы художественной словесности на рубеже тысячелетий», Тюмень, 16–19 апр. 2002 г. / редкол.: Т. И. Борко и др. – Тюмень : Вектор Бук, 2002. – С. 72–77.
3. Wikipedia contributors. Michael Palmer (poet) [Electronic resource] / Wikipedia, the Free Encyclopedia. – Mode of access: [https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Michael_Palmer_\(poet\)&oldid=861600867](https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Michael_Palmer_(poet)&oldid=861600867). – Date of access: 17.08.2018.
4. Wikipedia contributors. (2018, September 9). Bruce Andrews. [Electronic resource] / Wikipedia, the Free Encyclopedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Bruce_Andrews&oldid=858712226. – Date of access: 17.08.2018.
5. Hurwitz, J. Ron Silliman [Electronic resource] / J. Hurwitz // Poetry Foundation. – 2010. – Mode of access: <https://www.poetryfoundation.org/poets/ron-silliman>. – Date of access: 07.04.2018.
6. Политика поэтики: [сб. ст.] / Б. Е. Гройс. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 400 с.
7. Andrews, B. Mistaken Identity [Electronic resource] / B. Andrews // Faux Press Books. – Mode of access: <http://www.fauxpress.com/e/andrews/pa.htm>. – Date of access: 20.07.2018.
8. Скидан, А. В. Сопrotивление поэзии / А. В. Скидан // Митин журнал. – 1996. – № 53. – С. 129–137.
9. Ward, G. Language Poetry and the American Avant-garde [Electronic resource] / G. Ward // Upenn.edu. – Mode of access: https://writing.upenn.edu/library/Ward-Geoffrey_Language-Poetry.html. – Date of access: 04.09.2018.
10. Палмер, М. Серия Бодлер (в пер. С. Огурцова и Н. Сафонова) / М. Палмер // Транслит: литературно-критический альманах. – 2013. – № 13. – С. 36–44.
11. Аристов, В. Майкл Палмер: Сотрудничество поэзии [Электронный ресурс] / В. Аристов // Иностранная литература. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://you-books.com/book/M-Palmer/Sotrudnichestvo-poezii>. – Дата доступа: 15.08.2018.
12. Огурцов, С. Ю. Когнитивные узлы. Методы и смыслы новой поэзии [Электронный ресурс] / С. Ю. Огурцов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 115. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2304>. – Дата доступа: 17.06.2018.

REFERENCES

1. Ilyin, A. N. Subyekt v prostranstve filosofii postmodernizma [Elektronnyy resurs] / A. N. Ilyin // Informatsionnyy humanitarnyy portal “Znaniye. Ponimaniye. Umeniye”. – 2010. – № 1. – Rezhim dostupa: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/. – Data dostupa: 12.05.2018.
2. Tyryshkina, Ye. V. Avangard i postmodernizm v russkoy literature (zametki k teme) / Ye. V. Tyryshkina // Postmodernizm: pro et contra : Materialy mezhdunar. nauch. konf. «Postmodernizm i sudby khudozhestvennoy slovesnosti na rubezhe tysyacheletiy», Tyumen, 16–19 apr. 2002 g. / redkol.: T. I. Borko i dr. – Tyumen : Vektor Buk, 2002. – S. 72–77.
3. Wikipedia contributors. Michael Palmer (poet) [Electronic resource] / Wikipedia, the Free Encyclopedia. – Mode of access: [https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Michael_Palmer_\(poet\)&oldid=861600867](https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Michael_Palmer_(poet)&oldid=861600867). – Date of access: 17.08.2018.
4. Wikipedia contributors. (2018, September 9). Bruce Andrews. [Electronic resource] / Wikipedia, the Free Encyclopedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Bruce_Andrews&oldid=858712226. – Date of access: 17.08.2018.
5. Hurwitz, J. Ron Silliman [Electronic resource] / J. Hurwitz // Poetry Foundation. – 2010. – Mode of access: <https://www.poetryfoundation.org/poets/ron-silliman>. – Date of access: 07.04.2018.
6. Politika poetiki: [sb. st.] / B. Ye. Groys. — M. : OOO «Ad Marginem Press», 2012. — 400 s.
7. Andrews, B. Mistaken Identity [Electronic resource] / B. Andrews // Faux Press Books. – Mode of access: <http://www.fauxpress.com/e/andrews/pa.htm>. – Date of access: 20.07.2018.
8. Skidan, A. V. Soprotivleniye poezii / A. V. Skidan // Mitin zhurnal. – 1996. – № 53. – S. 129–137.
9. Ward, G. Language Poetry and the American Avant-garde [Electronic resource] / G. Ward // Upenn.edu. – Mode of access: https://writing.upenn.edu/library/Ward-Geoffrey_Language-Poetry.html. – Date of access: 04.09.2018.
10. Palmer, M. Seriya Bodler (v per. S. Ogurtsova i N. Safonova) / M. Palmer // Translit: literaturno-kriticheskiy al'manakh. – 2013. – № 13. – S. 36–44.
11. Aristov, V. Maykl Palmer: Sotrudnichestvo poezii [Elektronnyy resurs] / V. Aristov // Inostrannaya literatura. 2013. – № 3. – Rezhim dostupa: <http://you-books.com/book/M-Palmer/Sotrudnichestvo-poezii>. – Data dostupa: 15.08.2018.
12. Ogurtsov, S. Yu. Kognitivnyye uzly. Metody i smysly novoy poezii [Elektronnyy resurs] / S. Yu. Ogurtsov // Novoye literaturnoye obozreniye. – 2012. – № 115. – Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/2304>. – Data dostupa: 17.06.2018.